

DOI 10.37386/2305-4077-2025-3-173-189

Я. Нью¹*Санкт-Петербургский государственный
университет (Санкт-Петербург, Россия)*

ФИЛОСОФИЯ ДАОСИЗМА И БУДДИЗМА В МИФОПОЭТИКЕ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА К. Д. БАЛЬМОНТА И Е. И. ДМИТРИЕВОЙ)

В статье рассматриваются даосские и буддийские философские идеи, мотивы и образы и их трансформации в творчестве русских поэтов Серебряного века, таких как К. Д. Бальмонт и Е. И. Дмитриева. Объектом анализа являются стихотворения Бальмонта 1900–1910-х гг., тесно связанные с даосской и буддистской философией, а также «китайский» цикл Дмитриевой «Домик под грушевым деревом» (1927). Используются культурно-типологический и мифопоэтический методы с элементами компаративного и мотивного анализа. Особое внимание уделяется рассмотрению семантики ключевых понятий даосизма и буддизма и прежде всего понятия «пустоты» в традиционной китайской культуре и в философии Серебряного века. Уточняется смысловая наполняемость понятий «пустоты», «Великой Пустоты» в даосизме и «шуньяты» в буддизме, а также их различие. В процессе анализа обозначена значимость даосизма в культурном пространстве Серебряного века как философской и мифопоэтической системы и эстетического феномена.

Ключевые слова: мифопоэтика Серебряного века, даосизм, Лао-цзы, Чжуан-цзы, Великая Пустота, буддизм, шуньята, поэзия К. Д. Бальмонта, поэзия Е. И. Дмитриевой, компаративный анализ

Y. Niu*Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)*

THE PHILOSOPHY OF TAOISM AND BUDDHISM IN MYTHOPOETICS OF THE SILVER AGE (ON THE EXAMPLE OF THE WORKS OF K. D. BALMONT AND E. I. DMITRIEVA)

¹ Нью Янь – аспирант-стажер кафедры истории русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: niuyan63557@mail.ru.

The article explores Taoist and Buddhist philosophical ideas, motifs, and images, as well as their transformations in the works of K. D. Balmont and E. I. Dmitrieva – Russian poets of the Silver Age. The focus of the analysis is Balmont’s poems of the 1900s and 1910s, closely related to Taoist and Buddhist philosophy, as well as Dmitrieva’s “Chinese” cycle “The Little House Under the Pear Tree” (1927). The article employs cultural-typological and mythopoetic methods with elements of comparative and motif analysis. Special attention is paid to the semantics of the key concepts of Taoism and Buddhism, and above all the concept of “emptiness” in traditional Chinese culture and in the philosophy of the Silver Age. The semantic content of the concepts of “emptiness”, “the Great Emptiness” in Taoism, and “shunyata” in Buddhism, as well as their differences, are clarified. In the course of the analysis, the significance of Taoism in the cultural space of the Silver Age is identified – both as a philosophical and mythopoetic system and as an aesthetic phenomenon.

Key words: mythopoetics of the Silver Age, Taoism, Laozi, Zhuangzi, the Great Emptiness, Buddhism, shunyata, the poetry of K. D. Balmont, the poetry of E. I. Dmitrieva, comparative analysis

Тема Китая и китайской культуры в русской поэзии XX века является актуальной для компаративного исследования проблем взаимовлияния культур Востока и Запада и вызывает интерес в современной науке, о чем свидетельствуют новейшие исследования². Вместе с тем исследователей интересовал прежде всего образ Китая в аспекте ориентализма. Перенос акцента на исследование рецепции и трансформации явлений традиционной китайской культуры в русской поэзии начала XX века закономерен. В этом плане одной из самых важных проблем становится рецепция и трансформация уникальных для русской литературы тем, сюжетов, мотивов и образов традиционной китайской культуры, в том числе древнекитайской философии – даосизма и буддизма, которые стали востребованы в поэзии Серебряного века и созвучны духовным и художественным исканиям многих поэтов.

Цель нашей статьи – рассмотреть даосские и буддийские идеи, мотивы и образы в творчестве К. Д. Бальмонта и Е. И. Дмитриевой как художественное преломление философско-эстетических поисков Серебряного века, нашедших отражение в мифопоэтике.

² См., напр.: Восток в русской литературе XVIII – начала XX века. Знакомство. Переводы. Восприятие. Москва: ИМЛИ РАН, 2004; Хэ Тинтин. Образ Китая в поэзии русской дальневосточной эмиграции (1920–1940-е годы): дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2024; Пэй Цзяминь. Восток (Китай) в русской литературе Серебряного века: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2023; Пороль П. В. Китай в рецепции поэтов Серебряного века (поэтика и эстетика): дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2020.

Обращение русских модернистов к восточной философии во многом было обусловлено кризисом европейского центризма и стремлением найти другие способы восприятия реальности. Даосизм вошел в культурный контекст русского Серебряного века прежде всего как значимый философский источник вдохновения, предлагая альтернативное мировоззрение в противовес западному рационализму. Е. В. Шахматова так пишет о влиянии восточной философии на европейскую культуру конца XIX – начала XX вв.: «Древнеиндийская и китайская картина мира с их философскими понятиями двуединого абсолюта, небытия, бесконечного цикла времен, идеями кармы, метемпсихоза оказала сильное влияние на сознание Европы» [Шахматова, 2009, с. 78]. В. В. Малявин подчеркивает значимость даосизма для современников: «Создается впечатление, что даосские мудрецы оказались для многих наших современников актуальнее И. Канта и В.Г. Ф. Гегеля» [Малявин, 1995, с. 5], потому что, по его мнению, даосы «обнажают шаткость мнимо прочных основ “позитивного знания” и увлекают в неявленную и неопределенную будущность, где дух наш ощущает себя в опасной и радостной близости с тайной бытия» [Малявин, 1995, с. 5]. Даосизм отличается своеобразным интуитивным и мистическим мирозерцанием, формирующимся через постижение Дао. Конечная цель даосского учения заключается в достижении превосходства над реальной жизнью посредством познания природы и возвращения к ней. Китайский ученый Юань Синпэй отмечает, что даосы рассматривают «пу» (букв. «простота») как высшую степень естественной предрасположенности, только через «пу» можно приблизиться к сущности Дао – «небытию», «недеянию» и интегрировать индивидуальную жизнь в бесконечную вселенную и природу [см.: Юань, 2014, с. 32–33].

Среди русских поэтов Серебряного века К. Д. Бальмонт (1867–1942), наверное, проявил наиболее существенный интерес к даосизму, выраженный прежде всего в идее «возвращения к примитиву». В философских построениях Лао-цзы (VI в. до н. э.) и мифопоэтике Бальмонта прослеживается общая тенденция – стремление к простоте и возврату к первозданному состоянию мира. Для Бальмонта мифотворчество является не только способом переосмысления опыта цивилизации и поиска идеализированного мира в его первоначальном состоянии, но и выходом из «кризиса познания» [см.: Нью, 2024, с. 127]. В процессе «возвращения к примитиву» поэт занимает позицию «критика цивилизации», как считает А. Ханзен-Леве [Ханзен-Леве, 2003, с. 15]. Примечательно, что основоположник даосизма Лао-цзы также считается «критиком цивилизации». В его философской системе господствует идея возврата к первозданной простоте. В трактате «Дао дэ цзин» говорится: «Устраните “мудрость”, отбросьте

“разумность” <...>. Будь безыскусен, храни полноту первородства» [см.: Малявин, 2010, с. 218–219]. Выраженное в даосской философии стремление к «безыскусности» и «естественности», тяготение к «душевной простоте» – очень близки мировосприятию Бальмонта.

Созвучность с философией Лао-цзы Бальмонт нашел в теме «Вечной Женственности» [см.: Нью, 2024, с. 125–137], которая пронизывает почти все «китайские сонеты» Бальмонта: «Лунная вода», «Китайское Небо», «Ткань», «Китайская греза» и «Занавес» (сборник «Сонеты солнца, меда и луны. Песня миров») [см.: Бальмонт, 1917, с. 107–111]). Философия Лао-цзы, основанная на культе женского начала, характеризуется явной «женственной природой». Выраженный в этих «китайских» сонетах Бальмонта культ богини-женщины не только отражает философские мысли Лао-цзы, но и перекликается с религиозно-философским учением В. С. Соловьева о Софии, которое получило большой резонанс в культурном пространстве Серебряного века.

Кроме того, глубокий интерес Бальмонта к даосизму также нашел свое яркое отражение в стихотворении «Великое Ничто» (1900) (сборник «Будем как Солнце») [см.: Бальмонт, 1903, с. 228–229] и переводах глав из «Дао дэ цзина», а также стихотворениях из цикла «Китай» (сборник «Гимны, песни и замыслы древних») [см.: Бальмонт, 1909, с. 135–143]. Как отмечает П. В. Пороль, стихотворение «Великое Ничто» можно воспринимать как вершину «китайских» текстов поэта [см.: Пороль, 2020, с. 2]. Стихотворение состоит из двух частей, и если в первой части эксплицируется интерпретация Бальмонтом китайской культуры, то вторую часть можно воспринимать как результат глубоких размышлений поэта о восточной философии – даосизме и буддизме. Китайская исследовательница Чжао Сяобинь впервые отметила, что «Великое Ничто» восходит к китайской философской концепции «тай сюй» [см.: Чжао, 1997, с. 52]. П. В. Пороль также пишет, что название стихотворения происходит от понятия «тай сюй» и восходит к учению о Дао [см.: Пороль, 2019, с. 19].

В философской системе даосизма можем отметить основную семантическую наполняемость концепции Дао: 1. Дао – это начало Вселенной, источник и «корень» всего сущего; 2. Дао понимается как принцип жизни, закон существования и развития всего мира; 3. Дао характеризуется пустотой, вечностью, отвлеченностью и непостижимостью. Предположим, что под понятием «пустоты» понимается как самый (феномен) Дао, так и сущность Дао, то есть «пустота» – это и Дао, и суть Дао. В «Дао дэ цзине» говорится: «Достигай предела пустоты. Блюда покоя безупречно» [см.: Малявин, 2010, с. 206]. Как

видим, «пустота» – это и свойство, присущее Дао, и высший идеал Дао, о чем свидетельствует перевод глав, сделанный Бальмонтом из этого философского трактата [см.: Бальмонт, 1909, с. 135–140].

На основе «пустотности» Дао другой представитель даосизма – Чжуан-цзы (369 – 286 до н. э.) выдвинул понятие *тайсюй*³ («Великая Пустота», «Великое Ничто»)⁴. В понимании Чжуан-цзы тайсюй выступает как метафора сокровенного Великого Дао. В. В. Малявин отмечает, что Чжуан-цзы назвал «пространство со-бытийности вещей» Великой Пустотой, которая в традиции даосизма отождествляется с «Матерью мира» [см.: Малявин, 1995, с. 24]. В этом определении Малявин фактически отождествлял концепцию «Великой Пустоты» с концепцией Дао. Подобное суждение также существует в статье И. С. Родичевой, которая выделила семь основных определений понятия «пустоты», в том числе такие, как «источник происхождения всего сущего», «прообраз “пустого вместилища”» [см.: Родичева, 2012, с. 40–41]. Сравнивая определения Малявина и Родичевой о Пустоте, заметим, что смысловые коннотации Дао, Пустоты, и «Великой Пустоты» часто сливаются и находятся во взаимодействии. Можно добавить к вышеперечисленным определениям, что «Великая Пустота» – это наивысший идеал Дао, сокровенный и истинный Дао. Таким образом, понятия «пустота» и «Великая Пустота» практически идентичны в обозначении «Матери Вселенной» и «высшего идеала» Дао.

В буддизме понятие «шуньята» / «шунья» (букв. «пустота») является центральным. По мнению А. А. Терентьева, шуньята обозначает «отсутствие постоянного “я” у личности и у явлений» [Терентьев, 2011, с. 811]. С. Радхакришнан подчеркивает, что «термин “шунья” понимается по-разному. Для одних он означает ничто, для других – постоянное начало, трансцендентное и неопределимое, имманентное всем вещам» [Радхакришнан, 1993, с. 568]. Обобщая разные толкования содержания «шуньи», И. М. Кутасова отмечает, что шунья интерпретируется не только как «пустота», но и как «относительность», «несубстанциональность» и «несуществование» [см.: Кутасова, 1962, с. 225]. На основе перечисленных определений «шуньяты» можем выделить следующие аспекты: 1. Шуньята – пустота, ничто, «видение вещей в их таковости» [Янгутов, 2016,

³ Курсив здесь и далее наш. – Я. Ню.

⁴ В трактате «Чжуан-цзы» говорится: «Тот, кто утратил внутреннее и спрашивает впус-тую, вокруг себя не видит вселенной, а внутри себя не замечает Великое Начало. Поэтому он никогда не поднимется выше гор Куньлунь и сможет странствовать в Великой Пустоте» [см.: Малявин, 1995, с. 201]. Курсив здесь и далее наш. – Я. Ню.

с. 121]; 2. Шуньята – отсутствие постоянного “я” у всех сущих; 3. Шуньята – постоянное и трансцендентное начало [см.: Радхакришнан, 1993, с. 568]. В буддийской традиции постижение шуньяты воспринимается как признак достижения нирваны. Здесь господствует точка зрения, что мир, который мы воспринимаем, пуст и иллюзорен, и в основе такого мнения лежит отрицание феноменального мира. Однако такое отрицание не является абсолютным, так как оно не означает отрицание истинного бытия и сущего, поэтому буддийская пустота «и отрицает, и не отрицает», как отмечает Л. Е. Янгутов [Янгутов, 2016, с. 123]. Э. Конзе пишет: «В своем специальном значении термины *пустой* и *пустотность* в буддийской традиции выражают полное отрицание этого мира усилием мудрости» [Конзе, 2016, с. 176]. Можно сказать, что именно в общей позиции «отрицания» и «отказа» от окружающего мира, в тенденции к «разложению мира в ничто», как считает Ханзен-Леве [Ханзен–Леве, 1999, с. 152], русские символисты нашли точку соприкосновения философии Серебряного века и философии Востока, которую В. С. Соловьев определяет как «буддийские настроения» [см. об этом: Соловьев, 1991, с. 425–465].

Отметим, что, несмотря на частичное сходство в обозначении наивысшего состояния, которого стремится достичь человеческий разум, между даосской «пустотой» и буддийской «пустотой» существует принципиальное различие: первая имеет позитивную природу, а вторая негативную или отрицательную природу (см. таб. 1). Смысловая наполняемость «пустоты» в контексте Серебряного века, как видим, более близка к буддийской.

Таблица 1.

Понятие пустоты в разных традициях	Смысловой оттенок	Семантическое содержание
в культурном контексте Серебряного века	негативный характер	отрицание рационализма
в буддийской философии	негативный характер	отрицание феноменального мира, отрицание постоянного «я»
в даосской философии	позитивный характер	суть Дао, наивысший идеал Дао, наивысшее состояние сознания

Примечательно, что в стихотворении «Великое Ничто» (1900) Бальмонт объединил даосские и буддийские концепции бытия и небытия в понятии «пустоты». Исследователи указывают на присутствие в стихотворении «Великое Ничто» синтеза буддийских и даосских идей. Например, согласно точке зрения А. Ханзен-Леве, в стихотворении «Великое Ничто» представлен синтез

«азиатской (буддийской) идеи божественного “ничто” (“Великое Ничто”, – здесь отчетливы отзвуки китайской мифологии)» [Ханзен-Леве, 1999, с. 156]. На наш взгляд, в основе такого синтеза лежит именно понятие «пустоты», которое можно рассматривать как «соприкосновение» идей даосизма и буддизма.

Полагаем, что начальная строка стихотворения *«Моя душа – глухой всебожный храм»* [Бальмонт, 1903, с. 228] имеет сильную дзен-буддийскую⁵ окраску. Можно сказать, что дзен-буддизм – это учение о сердце, в котором подчеркивается «внезапное прозрение», так как «сердце есть Будда» [см.: Сюй, Ли, 2023, с. 56]. Выражение *«Моя душа – глухой всебожный храм»* можно так интерпретировать: истина (Бог) находится не где-то за пределами, а именно в самом себе, в самом сердце. Во второй части стихотворения «Великое Ничто» встречается «повествование» Чванг-Санга⁶. Трудно согласиться с Вл. Марковым, который в комментариях к стихотворению отметил, что в книге Чужан-цзы нет подобного текста [см.: Markov, 1988, s. 168]. На наш взгляд, основные идеи стихотворения Бальмонта можно отыскать в трактате «Чужан-цзы»⁷. Вл. Марков сделал такой вывод, возможно, потому что Бальмонт действительно переписал китайский подлинник, объединив даосские и буддийские идеи и мотивы и включив в стихотворение новые образы.

Отметим, что «Великое Ничто» в восприятии Бальмонта выступает как некое бесчувственное и вечное (*«Бесчувственно Великое Ничто»* [Бальмонт, 1903, с. 229], и такое понимание очень близко к концепции Дао у Лао-цзы. В «Дао дэ цзине» говорится: «Небо и Земля лишены человечности»⁸ [см.: Малявин, 2010, с. 155]. А в «Чжуан-цзы» неоднократно подчеркивается мысль о мимолетности человеческой жизни: «Жизнь человека между Небом и Землей – как прыжок скакуна через расщелину: в одно мгновение она промелькнет и исчезнет бесследно» [см.: Малявин, 1995, с. 199], что перекликается со строкой Бальмонта: *«В нем я и ты – мелькаем на мгновенье»* [Бальмонт, 1903, с. 229].

⁵ Дзен-буддизм (чань-буддизм) сформировался в V–VI вв. в Китае как результат слияния индийского буддизма и даосизма.

⁶ Бальмонт так назвал древнекитайского мудреца Чжуан-цзы.

⁷ Главные идеи стихотворения Бальмонта можно найти в 22 и 27 главах трактата «Чужан-цзы» [см. об этом: Малявин, 1995, с. 195–203 и с. 238–241].

⁸ Здесь Лао-цзы подчеркивает, что Дао как закон развития всего сущего характеризуется естественностью и объективностью, не имеет «никаких личных пристрастий» [см.: Малявин, 2010, с. 156].

Далее, смысловая структура «повествования» Чжуан-цзы в стихотворении «Великое Ничто» сконструирована на основе ряда концептуальных оппозиций: вечность / мгновение, ночь / день («*Проходит ночь – и в роще дышит свет*» [Бальмонт, 1903, с. 229]), тьма / свет, встреча / разлука («*Две птички, тесно сжавшись, спали рядом, / Но с блеском дня той дружбы больше нет, / И каждая летит к своим уладам*» [Бальмонт, 1903, с. 229]), холод / тепло («*За тьмою – жизнь, за холодом – апрель, / И снова темный холод ожидания*» [Бальмонт, 1903, с. 229]). Как отмечает Е. В. Концова, антиномия является ключевой категорией поэтики Бальмонта [см.: Концова, 2009, с. 120]. Кроме того, вышеперечисленные оппозиции также напоминают еще одну из фундаментальных философских идей Чжуан-цзы – «трансформацию» («превращение») вещей. Чжуан-цзы рассматривает трансформацию различных состояний вещей (напр. жизнь и смерть, четыре времени года) как их «самотрансформацию», которая понимается как норма развития для всего сущего.

Как сказано выше, в стихотворении «Великое Ничто» Бальмонта также обнаруживаются идеи философии буддизма. Само понятие «Великое Ничто» напоминает ключевую буддийскую «шуньяту». Б. С. Дугаров отмечает, что в лирике Бальмонта отчетливо звучала индийская струна, «вобравшая в себя многовековое эхо евразийского духовного пространства» [Дугаров, 2022, с. 61]. Полагаем, что, начиная с строки «*Я разобью певучую свирель. / Иду на Запад, умерли мечтанья*» [Бальмонт, 1903, с. 229], смысловой оттенок стихотворения превращается в буддийский. В буддийском учении под термином «Западные Небеса» понимается «чистая земля», «буддийский рай». В китайской культуре выражение «Идти на Запад» имеет разные толкования, одним из которых является «умереть» [см.: Пороль, 2020, с. 7], другое – «отправиться в древнюю Индию»⁹. Таким образом, строки Бальмонта можно воспринимать как прощание лирического героя с миром и погружение в другую реальность: у него «умерли мечтанья» и он отправился на «Запад», чтобы найти «духовный рай» буддизма. В последних четырех строках стихотворения эксплицируется «Великая Пустота», в которой сливаются человек, Небо и Земля: «*Бесчувственно Великое Ничто, / Земля и небо – свод немого храма*» [Бальмонт, 1903, с. 229]. И в этой «Пустоте» лирический герой осознал отсутствие своего «я» и погрузился в высшее состояние буддизма – «нирвану»: «*Я тихо сплю, – я тот же и никто, / Моя душа – воздушность фимиама*» [Там же, с. 229].

⁹ Например, в одном из четырех классических романов древнего Китая «Путешествие на Запад» (XVI в., автор: У Чэн-энь) под «Западом» понимается «древняя Индия», которая расположена на юго-западе от границы древнего Китая.

Примечательно, что в данном стихотворении эксплицируется «безмолвный» мир, тишина. В стихотворении встречаются выражения, связанные с понятием «тишина»: глухой («*Моя душа – глухой всебожный храм*» [Там же, с. 228]), немой («*Земля и небо – свод немого храма*» [Там же, с. 229]), покой («*Безбрежное отчаянье покоя*» [Там же]), тихо («*Я тихо сплю, – я тот же и никто*» [Там же]). Эпитет «*глухой*» в начальной строке перекликается с эпитетом «*немой*» в заключительной. Важно отметить, что «тишина» (покой) как важная философская категория в даосской онтологии, включает в себя следующие семантические коннотации: 1. свойство Дао; 2. «корень» всего сущего; 3. необходимый способ и условие для познания Дао; 4. высший идеал человеческой духовности [см. об этом: Малявин, 2010, с. 206, 252 и 353]. Более того, в рамках даосской философии «пустота» и «тишина» как две неразрывно связанные стороны единого Дао являются не только универсальными законами Вселенной, но и конечной целью индивидуальной жизни. Кроме того, даосская идея «тишины» также прочно вошла в древнекитайскую литературу и искусство и стала функционировать как ключевая эстетическая категория. В трактате «Дао дэ цзин» говорится: «Великая музыка слышна всего меньше» [см.: Малявин, 2010, с. 338]. Лейтмотивная идея «тишины» выступает в творчестве Бальмонта как важный способ «сложного выражения сущности единого мира» [Петрова, 1995, с. 69], как отмечает исследователь. Видно, что понятие «тишины» в осмыслении Бальмонта близко к концепции «тишины» (покоя) у Лао-цзы [см.: Лао-цзы, 1909, с. 135–140].

Можно сказать, что символистская эстетика в большой степени «созвучна» традиционной китайской эстетике, основанной на философии даосизма. Базирующаяся на концепции «соответствий» Ш. Бодлера, суггестия (намеки) является основополагающим принципом символистской эстетики. Как отмечает В. Бычков, «сущностным принципом символистского искусства Морис (как и многие символисты) считал не выражение (выразительность), а суггестию – внушение» [Бычков, 2018, с. 254]. Стоит отметить, что суггестия (намеки) также является фундаментальным принципом традиционной китайской эстетики. Основываясь на идеях даосизма, таких как «возвращение к простоте», «следование законам природы», традиционная китайская эстетика придерживается принципа «единства неба и человека». Как подчеркивает И. С. Лисевич, «китаец благоговел перед изящным словом именно потому, что воспринимал его как доступный человеческому слуху отзвук Великого Дао» [Лисевич, 1984, с. 9].

В стихотворении «Великое Ничто» Бальмонт также обращается к такому художественному приему древнекитайской эстетики, как «оставление пробела»

(«Люблю пробел лирического зноя» [Бальмонт, 1903, с. 229]), который означает, что поэт или художник не стремится выразить свои мысли и чувства прямо и полностью, а оставляет достаточное пространство для воображения. Уходящий своими корнями в философскую концепцию Лао-цзы о «пустоте», этот прием оказал сильное влияние на классическую китайскую литературу и живопись.

Особый интерес в этом плане представляет мистификаторский цикл Е. И. Дмитриевой (Черубины де Габриак, 1887–1928) «Домик под грушевым деревом» (1927), художественный мир которого сильно окрашен в восточный колорит [см. об этом: Нью, 2022, с. 252–257]. Даосские мотивы также ярко прослеживаются в этом цикле, написанном от лица китайского поэта Ли Сян Цзы, который также является литературной мистификацией Дмитриевой после созданной ею мифотворческой модели Черубины дэ Габриак. Циклу предпослано предисловие, «выполненное в духе средневековой китайской традиции, однако содержащее явные биографические аллюзии», как отмечает Н. Ю. Грыкалова [Грыкалова, 1988, с. 203]. Следует отметить, что образ вымышленного поэта Ли Сян Цзы, который живет в полном уединении в изгнании, можно воспринимать как символическое воплощение даосского отшельника.

В предисловии говорится: «Всякая вещь, исторгнутая из состояния покоя, поет» [Габриак, 1998, с. 238]. Здесь мы выделяем стремление поэта к предельному душевному покою, которое напоминает даосскую концепцию «тишины» (покоя). Как выше сказано, рассматривая покой как «корень» всего сущего, Лао-цзы воспринимает внутреннее спокойствие условием для познания Дао. Аналогичные толкования концепции «тишины» (покоя) также отражены в трактате «Чжуан-цзы»¹⁰.

Необходимо отметить, что сами даосские представители – Лао-цзы и Чжуан-цзы были известными отшельниками периода Весны и Осени (770 – 221 гг. до н.э.). Можно сказать, что даосская концепция «У-вэй» (недеяние) заложила философскую основу для жизни отшельников последующих поколений. Если Лао-цзы стремится посредством недеяния не оставить ничего не сделанного, то Чжуан-цзы подчеркивает уравновешенность всех вещей, чтобы устранить их различие и стремиться к миру неограниченного и «Беззаботного скитания» («Сяо Яо Ю») [см.: Хо, 2005, с. 35]. В философской картине «Беззаботного скитания» Чжуан-цзы воплощает романтический мир иде-

¹⁰ В «Чжуан-цзы» говорится: «Безмятежность и покой, пустота и неделание – это равновесие Неба и Земли, сущность Пути и его силы» [см.: Малявин, 1995, с. 154].

альной отшельнической жизни. Более того, у Чжуан-цзы очень откровенное, оптимистичное и непредвзятое отношение к жизни. И в предисловии к циклу у Дмитриевой также ощущается такая откровенность и непредубежденность Ли Сян Цзы: «Вода течет сама собой, и человек сам творит свою судьбу: горечь изгнания обратилась в радость песни» [Габриак, 1998, с. 238].

Будучи важным мотивом классической китайской литературы, мотив «вода течет сама собой» имеет глубокие даосские коннотации. В даосской культуре образ воды символизирует сущность Дао, а выражение «течет сама собой» отражает естественное состояние воды, которое не нарушается внешними силами, что тесно связано с ключевым постулатом даосизма – «следовать законам природы». В древнекитайской поэзии образ «самотекущей воды» часто сопоставляется с образами «самопадающих цветов», создавая оппозицию «вечность природы» и «мимолетность жизни человека». Однако, по мнению Ли Сян Цзы, человек в своей ограниченной жизни может создать свою судьбу как путь (*«и человек сам творит свою судьбу»*) [Габриак, 1998, с. 238]. У Чжуан-цзы это означает выйти за рамки ограничений реальности и самоограничений, вернуться к безграничной душевной свободе и покою. Такая точка зрения Ли Сян Цзы образно иллюстрирует трансцендентность философии Чжуан-цзы в отношении индивидуальной жизни.

Поэтому образ вымышленного поэта Ли Сян Цзы можно рассматривать как символическое воплощение даосского отшельника, глубоко проникнутого «духом Чжуан-цзы». Его настроения определялись традициями даосской философии. В «Чжуан-цзы» великий даосский мудрец показал нам, как человеку следует поступать в эпоху смут и войн, перед лицом бренности человеческой жизни – нужно «идти внутрь», открывать безграничное внутреннее пространство и духовные «анклавы». Может быть, мировоззрение Чжуан-цзы в некоторой степени предлагает «китайскому» поэту Ли Сян Цзы, находящемуся в изгнании, возможный выход из экзистенциального кризиса, о чем свидетельствуют заключительные строки из последнего стихотворения цикла – «Человек»: *«Здесь каждый встречный горд и зол / Мой брат, ищи его внутри, / Не забывай Его – Гори»* [Габриак, 1998, с. 245].

В цикле Дмитриевой также наблюдается использование даосского мотива «сна Чжуан-цзы» и образа бабочки: *«Но может быть, сама я стала сном / Для бабочки, летящей над цветком?»* [Габриак, 1998, с. 242–243]. Как видим, сон Чжуан-цзы о «равенстве вещей» [см. об этом: Малявин, 1995, с. 73] трансформируется в сон о возвращении в стихотворении Дмитриевой. Здесь оппо-

зияция сон / реальность тесно взаимосвязана с оппозицией родина / чужбина. При этом вновь звучит классическая философская тема Чжуан-цзы «жизнь как сон». В понимании Чжуан-цзы, только великие мудрецы, достигшие «великого пробуждения», могут понять, что жизнь подобна большому сну [см. об этом: Малявин, 1995, с. 72]. Чжуан-цзы стирает границы между явью и сном, стремясь выйти за рамки дуалистического способа восприятия реальности и достичь целостности сознания и истинной свободы. А для Дмитриевой неизвестное будущее, безбрежная тоска и одиночество в ссылке усиливают стремление к инореальности, ко сну, который является единственным способом выйти из «чужого» пространства и обрести «свое».

Таким образом, можно сказать, что даосизм и буддизм вошли в русскую литературу Серебряного века не только как религиозно-философские системы, но и как эстетический феномен, вызвав мифотворческие искания. Философско-эстетические идеи этих систем («возвращение к простоте», «Великая Пустота», шуньята, «Вечная Женственность», «трансформация», «Беззаботное скитание», «суггестия»), а также связанные с ними мотивы («тишины», «воды» («вода течет сама собой»), сюжеты и образы («сон Чжуан-цзы», бабочка, даосский отшельник) нашли глубокое отражение в творчестве русских поэтов Серебряного века. Бальмонт нашел точку соприкосновения древнекитайской культуры и культуры Серебряного века в идеях «пустоты» и «Вечной Женственности». Дмитриева создала автобиографический образ китайского философа Ли Сян Цзы как воплощение «духа Чжуан-цзы», что свидетельствует о движении от формального усвоения русскими поэтами восточных философских идей к их глубинному экзистенциальному переживанию. Можно сказать, что даосизм и буддизм не только обогатили русскую поэзию Серебряного века новыми идеями и смыслами, образами, мотивами, сюжетами, но и обусловили стремление к новым формам самовыражения, переосмыслению традиционных ценностей и постижению границ человеческого сознания и глубин бытия на пересечении традиций культур Востока и Запада.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Бальмонт, К. Д.** Будем как солнце: Кн. символов / К. Д. Бальмонт. – Москва: Скорпион, 1903. – 290 с.
2. **Бальмонт, К. Д.** Гимны, песни и замыслы древних: Зовы древности: Египет, Мексика, Майя, Перу-Халдея, Ассирия, Индия, Иран, Китай, Океания, Скандинавия, Эллада, Бретань / К. Д. Бальмонт. – Санкт-Петербург: Пантеон, 1909. – 211 с.

3. **Бальмонт, К. Д.** Сонеты солнца, меда и луны: песня миров / К. Д. Бальмонт. – Москва: В. В. Пашуканис, 1917. – 273 с.
4. **Бычков, В. В.** Современный взгляд на эстетику символизма / В. В. Бычков, Н. Б. Маньковская // Вестник славянских культур. – 2018. – Т. 50. – С. 246–265.
5. **Габриак Черубина де.** Исповедь / Черубина де Габриак. – Москва: Аграф, 1998. – 383 с.
6. **Грякалова, Н. Ю.** Стихотворения Е. И. Дмитриевой, посвященные Ю. К. Щуцкому / Н. Ю. Грякалова // Русская литература. – 1988. – № 4. – С. 200–205.
7. **Дугаров, Б. С.** Буддийские мотивы в русской поэзии рубежа XIX–XX веков / Б. С. Дугаров // Русский модернизм: Поэтика. Текстология. Историко-литературный контекст: коллективная монография / отв. ред. Н. Ю. Грякалова. – Санкт-Петербург: ООО «АРТ БУК», 2022. – С. 45–68.
8. **Конзе, Э.** Буддизм: сущность и развитие / Э. Конзе; пер. с англ. И. Беляева; под ред. С. В. Пахомова. – Санкт-Петербург: Наука, 2003. – 286 с.
9. **Концова, Е. В.** Восточная тема в творчестве К. Д. Бальмонта / Е. В. Концова // Молодой ученый. – 2009. – № 3 (3). – С. 118–124.
10. **Кутасова, И. М.** Философия Нагарджуны / И. М. Кутасова // Общественно-политическая и философская мысль Индии: Сборник статей / Акад. наук СССР. Ин-т народов Азии; отв. ред. Э. Н. Комаров и А. Д. Литман. – Москва: Изд-во вост. лит., 1962. – С. 216–245.
11. **Лао-цзы.** Дао-Дэ цзин: книга о Пути жизни / Лао-цзы; испр. пер. В. В. Малявина. – Москва: Феория, 2010. – 703 с.
12. **Лао-цзы.** Книга Пути и Благого Чарования / Лао-цзы // Бальмонт К. Д. Гимны, песни и замыслы древних. Зовы древности: Египет, Мексика, Майя, Перу-Халдея, Ассирия, Индия, Иран, Китай, Океания, Скандинавия, Эллада, Бретань / К. Д. Бальмонт. – Санкт-Петербург: Пантеон, 1909. – С. 135–140.
13. **Лисевич, И. С.** О том, что остается за строкой / И. С. Лисевич // Китайская пейзажная лирика III–XIV вв.: Стихи, поэмы, романсы, арии / под общ. ред. В. И. Семанова; сост. В. И. Семанов, Л. Е. Бежин; вступ. ст. и коммент. И. С. Лисевича. – Москва: Изд-во Московского ун-та, 1984. – С. 5–20.
14. **Ню, Я.** Полигенетическая природа поэтики К. Д. Бальмонта и культурные традиции древнего Китая / Я. Ню // Соловьевские исследования. – 2024. – № 1(81). – С. 125–137.
15. **Ню, Я.** Своеобразие поэтики цикла Е. Васильевой «Домик под грушевым деревом» / Я. Ню // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – № 2. – С. 252–257.

16. **Петрова, Т. С.** Мотив тишины в лирике К. Бальмонта / Т. С. Петрова // Русский язык в школе. – 1995. – № 5. – С. 68–72.
17. **Пороль, П. В.** Образ Китая в стихотворении К. Бальмонта «Великое Ничто» / П. В. Пороль // Litera. – 2020. – № 9. – С. 1–10.
18. **Пороль, П. В.** Рецептивная эстетика образа Китая в поэзии К. Бальмонта / П. В. Пороль // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2019. – Т. 24, № 1. – С. 16–26.
19. **Радхакришнан, С.** Индийская философия: в 2 т. Т. 1 / пер. с англ. С. Радхакришнан. – Москва: Миф, 1993. – 623 с.
20. **Родичева, И. С.** Философия «пустотности» Чжуан-цзы / И. С. Родичева // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия: Философия. Культурология. Политология. Социология. – 2012. – Т. 24, № 4 (65). – С. 36–41.
21. **Соловьев, В. С.** Буддийское настроение в поэзии / В. С. Соловьев // Философия искусства и литературная критика / В. С. Соловьев; сост. и вступ. ст., с. 8–29, Р. Гальцевой, И. Роднянской; коммент. А. А. Носова. – Москва: Искусство, 1991. – С. 425–465.
22. **Терентьев, А. А.** Шуньята // Философия буддизма: энциклопедия / Российская акад. наук, Ин-т философии; отв. ред. М. Т. Степанянц. – Москва: Восточная литература, 2011. – С. 811–812.
23. **Ханзен-Леве, А.** Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика / А. Ханзен-Леве; пер. с нем. М. Ю. Некрасова. – Санкт-Петербург: Академический проект, 2003. – 813 с.
24. **Ханзен-Леве, А.** Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм / А. Ханзен-Леве; пер. с нем. С. Бромерло, А. Ц. Масевича и А. Е. Барзаха. – Санкт-Петербург: Академический проект, 1999. – 512 с.
25. **Чжуан-цзы.** Ле-цзы / Чжуан-цзы, Ле-цзы; пер. с кит., вступ. ст., примеч. и указ. В. В. Малявина. – Москва: Мысль, 1995. – 439 с.
26. **Шахматова, Е. В.** Мифотворчество Серебряного века / Е. В. Шахматова // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 322. – С. 78–85.
27. **Энциклопедический словарь китайской культуры.** Более 1000 важнейших понятий / гл. ред. Б. Сюй, Ц. Ли. – Москва: Эксмо, 2023. – 750 с.
28. **Янгутов, Л. Е.** Понятие Пустоты в буддийской философии / Л. Е. Янгутов // Вестник Бурятского государственного университета. – 2016. – № 3. – С. 119–126.

29. **Markov, V.** Kommentar zu den Dichtungen von K. D. Bal'mont: 1890 – 1909 / von Vladimir Markov. – Köln; Wien: Böhlau, 1988. – 474 s.

30. **История китайской литературы:** в 4 т. Т. 1 / гл. ред. С. Юань. 中国文学史. 第一卷 / 袁行霈主编. – Пекин: Высшее образование, 2014. – 261 с.

31. **Хо, Ц.** Исследование поэзии отшельничества (Цинь – Суй и Тан). 霍建波. 隐逸诗研究 (先秦至隋唐: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Хо Цзяньбо. – Сиань, 2005. – 197 с.

32. **Чжао, С.** Китайские культурные элементы в русской поэзии начала XX века / С. Чжао. 赵晓彬. 浅谈20世纪初俄国诗歌的中国文化蕴含因素 // Русский язык в Китае. 中国俄语教学. – 1997. – № 4. – С. 51–54.

REFERENCES

1. **Bal'mont, K. D.** Budem kak solnce: Kn. simbolov / K. D. Bal'mont. – Moskva: Skorpio, 1903. – 290 s.

2. **Bal'mont, K. D.** Gimny, pesni i zamysly drevnih: Zovy drevnosti: Egipet, Meksika, Majya, Peru-Haldeya, Assiriya, Indiya, Iran, Kitaj, Okeaniya, Skandinavija, Ellada, Bretan' / K. D. Bal'mont. – Sankt-Peterburg: Panteon, 1909. – 211 s.

3. **Bal'mont, K. D.** Sonety solnca, meda i luny: pesnya mirov / K. D. Bal'mont. – Moskva: V. V. Pashukanis, 1917. – 273 s.

4. **Bychkov, V. V.** Sovremennyy vzglyad na estetiku simbolizma / V. V. Bychkov, N. B. Man'kovskaya // Vestnik slavyanskikh kul'tur. – 2018. – T. 50. – S. 246–265.

5. **Chzhuan-czy.** Le-czy / Chzhuan-czy, Le-czy; per. s kit., vstup. st., primech. i ukaz. V. V. Malyavina. – Moskva: Mysl', 1995. – 439 s.

6. **Dugarov, B. S.** Buddijskie motivy v russkoj poezii rubezha XIX–XX vekov / B. S. Dugarov // Russkij modernizm: Poetika. Tekstologiya. Istoriko-literaturnyj kontekst: kollektivnaya monografiya / otv. red. N. Yu. Gryakalova. – Sankt-Peterburg: OOO «ART BUK», 2022. – S. 45–68.

7. **Enciklopedicheskij slovar' kitajskoj kul'tury.** Bolee 1000 vazhnejshih ponyatij / gl. red. B. Syuj, C. Li. – Moskva: Eksmo, 2023. – 750 s.

8. **Gabriak Cherubina de.** Ispoved'. – Moskva: Agraf, 1998. – 383 s.

9. **Gryakalova, N. Yu.** Stihotvoreniya E. I. Dmitrievoj, posvyashchennye Yu. K. Shchuckomu / N. Yu. Gryakalova // Russkaya literatura. – 1988. – № 4. – S. 200–205.

10. **Hanzen-Leve, A.** Russkij simbolizm. Sistema poeticheskikh motivov. Mifopoeticheskij simbolizm. Kosmicheskaya simbolika / A. Hanzen-Leve; per. s nem. M. Yu. Nekrasova. – Sankt-Peterburg: Akademicheskij proekt, 2003. – 813 s.

11. **Hanzen-Leve, A.** Russkij simvolizm. Sistema poeticheskikh motivov. Rannij simvolizm / A. Hanzen-Leve; per. s nem. S. Bromerlo, A. C. Masevicha i A. E. Barzaha. – Sankt-Peterburg: Akademicheskij proekt, 1999. – 512 s.
12. **Koncova, E. V.** Vostochnaya tema v tvorchestve K. D. Bal'monta / E. V. Koncova // Molodoy uchenyj. – 2009. – № 3 (3). – S. 118–124.
13. **Konze, E.** Buddizm: sushchnost' i razvitie / E. Konze; per. s angl. I. Belyaeva; pod red. S. V. Pahomova. – Sankt-Peterburg: Nauka, 2003. – 286 s.
14. **Kutasova, I. M.** Filosofiya Nagardzhuny / I. M. Kutasova // Obshchestvenno-politicheskaya i filosofskaya mysl' Indii: Sbornik statej / Akad. nauk SSSR. In-t narodov Azii; otv. red. E. N. Komarov i A. D. Litman. – Moskva: Izd-vo vost. lit., 1962. – S. 216–245.
15. **Lao-czy.** Dao-De czin: kniga o Puti zhizni / Lao-czy; ispr. per. V. V. Malyavina. – Moskva: Feoriya, 2010. – 703 s.
16. **Lao-czy.** Kniga Puti i Blagogo Charovaniya / Lao-czy // Bal'mont K. D. Gimny, pesni i zamysly drevnih. Zovy drevnosti: Egipet, Meksika, Majya, Peru-Haldeya, Assiriya, Indiya, Iran, Kitaj, Okeaniya, Skandinaviya, Ellada, Bretan' / K. D. Bal'mont. – Sankt-Peterburg: Panteon, 1909. – S. 135–140.
17. **Lisevich, I. S.** O tom, chto ostaetsya za strokoj / I. S. Lisevich // Kitajskaya peyzazhnaya lirika III-XIV vv.: Stihi, poem, romansy, arii / pod obshch. red. V. I. Semanova; sost. V. I. Semanov, L. E. Bezhin; vstup. st. i komment. I. S. Lisevicha. – Moskva: Izd-vo Moskovskogo un-ta, 1984. – S. 5–20.
18. **Markov, V.** Kommentar zu den Dichtungen von K. D. Bal'mont: 1890–1909 / von Vladimir Markov. – Köln; Wien: Böhlau, 1988. – 474 s.
19. **Nyu, Ya.** Poligeneticheskaya priroda poetiki K. D. Bal'monta i kul'turnye tradicii drevnego Kitaya / Ya. Nyu // Solov'evskie issledovaniya. – 2024. – № 1(81). – S. 125–137.
20. **Nyu, Ya.** Svoeobrazie poetiki cikla E. Vasil'evoj «Domik pod grushevym derevom» / Ya. Nyu // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2022. – № 2. – S. 252–257.
21. **Petrova, T. S.** Motiv tishiny v lirike K. Bal'monta / T. S. Petrova // Russkij yazyk v shkole. – 1995. – № 5. – S. 68–72.
22. **Porol', P. V.** Obraz Kitaya v stihotvorenii K. Bal'monta «Velikoe Nichto» / P. V. Porol' // Litera. – 2020. – № 9. – S. 1–10.
23. **Porol', P. V.** Receptivnaya estetika obraza Kitaya v poezii K. Bal'monta / P. V. Porol' // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika. – 2019. – T. 24, № 1. – S. 16–26.

24. **Radhakrishnan, S.** Indijskaya filosofiya: v 2 tomah. Tom 1. / per. s angl. S. Radhakrishnan. – Moskva: Mif, 1993. – 623 s.
25. **Rodicheva, I. S.** Filosofiya «pustotnosti» Chzhuan-czy / I. S. Rodicheva // Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Seriya: Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. Sociologiya. – 2012. – T. 24, № 4 (65). – S. 36–41.
26. **Shahmatova, E. V.** Mifotvorchestvo Serebryanogo veka / E. V. Shahmatova // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2009. – № 322. – S. 78–85.
27. **Solov'ev, V. S.** Buddijskoe nastroyenie v poezii / V. S. Solov'ev // Filosofiya iskusstva i literaturnaya kritika / V. S. Solov'ev; sost. i vstup. st., s. 8–29, R. Gal'cevoj, I. Rodnyanskoy; komment. A. A. Nosova. – Moskva: Iskusstvo, 1991. – S. 425–465.
28. **Terent'ev, A. A.** Shun'yata // Filosofiya buddizma: enciklopediya / Rossijskaya akad. nauk, In-t filosofii; otv. red. M. T. Stepanyanc. – Moskva: Vostochnaya literatura, 2011. – S. 811–812.
29. **Yangutov, L. E.** Ponyatie Pustoty v buddijskoj filosofii / L. E. Yangutov // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2016. – № 3. – S. 119–126.
30. **Chzhao, S.** Kitajskie kul'turnye elementy v russkoj poezii nachala XX veka / S. Chzhao. 赵晓彬. 浅谈20世纪初俄国诗歌的中国文化蕴含因素 // Russkij yazyk v Kitae. 中国俄语教学. – 1997. – № 4. – S. 51–54.
31. **Ho, C.** Issledovanie poezii otshel'nichestva (Cin' – Suj i Tan). 霍建波. 隐逸诗研究 (先秦至隋唐): dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk / Ho Czyan'bo. – Sian', 2005. – 197 s.
32. **Istoriya kitajskoj literatury:** v 4 t. T. 1 / gl. red. S. Yuan'. 中国文学史. 第一卷 / 袁行霈主编. – Pekin: Vysshee obrazovanie, 2014. – 261 s.